

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“:

Адвокатъ въ царствованіе императора Павла.

(Извлечено изъ оофициальныхъ документовъ).

1800—1801 г.

Въ царствованіе императора Павла, коллежскій ассесоръ Сладковскій приѣхалъ въ Петербургъ изъ Малороссіи, причислился къ герольдіи и, ожидая опредѣленія къ должности, ходатайствовалъ о внесеніи рода своего въ дворянскій гербовникъ, а также въ присутственныхъ мѣстахъ о взысканіи денегъ по вексямъ, дошедшимъ къ нему по надписямъ отъ двухъ лицъ. Жилъ онъ въ собственномъ домѣ, съ котораго имѣлъ и доходъ.

Для полученія мѣста, Сладковскій обращался съ просьбою къ с.-петербургскому военному губернатору графу фонъ-деръ-Палену. Получивъ отъ графа обѣщаніе, онъ ходилъ навѣдываться въ его канцелярію, не открылось ли соотвѣтственной званію его ваканціи, но безуспѣшно.

24 іюля 1800 года онъ пришелъ въ канцелярію графа за полученіемъ представленныхъ имъ при просьбѣ своихъ аттестатовъ и встрѣтился съ секретаремъ Розлачемъ.

— Зачѣмъ вы пришли въ канцелярію и почему хвалитесь, что можете много дѣлать? грубо спросилъ его Розлачь.

Сладковскій отвѣчалъ, что пришелъ по надобности къ секретарю Покоеву, а похвалы никакой не произносилъ, и если Розлачь объ ней отъ кого-нибудь слышалъ, то передалъ бы ему.

— Объ этомъ будетъ знать графъ фонъ-деръ-Палень, — сказалъ Розлачь, а когда Сладковскій представлялъ, что такія угрозы для него обидны и что онъ самъ также имѣетъ право объясняться съ графомъ, Розлачь выслалъ его изъ канцеляріи.

Обиженный Сладковскій отправился жаловаться къ графу на Роз-

леча. Замѣти въ комнатахъ графа Сладковскаго, полиціймейстеръ Зильбергарнишъ сначала выговаривалъ адъютанту за впускъ этого просителя, а потомъ совѣтовалъ Сладковскому выдти вонъ и не просить на Розлача. Вскорѣ пришелъ туда же и Розлачъ. Сладковскій передалъ, при немъ, Зильбергарнишу подробности жалобы и выразился при этомъ: „если бы Розлачъ поступилъ со мною такъ въ другомъ мѣстѣ, то, можетъ быть, и я заплатилъ бы ему подобною грубостію“.

Зильбергарнишъ продолжалъ держать сторону Розлача и упрекалъ Сладковскаго въ похвальствѣ; а Розлачъ, между тѣмъ, отправился въ кабинетъ къ фонъ-деръ-Палену и выпросилъ у графа письменное приказаніе: посадить Сладковскаго въ смирительный цухтъ-гаузъ и потомъ выслать изъ столицы.

Недопуская до свиданія съ графомъ Сладковскаго, полиціймейстеръ тутъ же взялъ его и препроводилъ къ оберъ-полиціймейстеру; а отъ него, „безъ отвѣта и суда“, Сладковскій посланъ былъ въ смирительный цухтъ-гаузъ. Тамъ выдержали его недѣлю на работѣ съ прочими, въ желѣзахъ, казенномъ платьѣ и въ лаптахъ. Потомъ онъ былъ высланъ за городъ, безъ денегъ и пищи, и пришелъ въ Гатчино, гдѣ и принесъ письменную жалобу генераль-прокурору о сдѣланныхъ ему притѣсненіяхъ. Жалоба была написана на высочайшее имя.

Противъ этой жалобы фонъ-деръ-Паленъ всеподданнѣйше довелъ, „что Сладковскій страпчій, долго жилъ здѣсь безъ всякой должности, ухищреніями своими заводилъ людей только въ тягбю, писалъ абенчискія бумаги и таскался по судебнымъ мѣстамъ повѣреннымъ. Разглашалъ, что онъ вездѣ вхожъ и уваженъ, и симъ самымъ, сдѣлавъ подобнымъ ему страпчимъ у себя пристанище, упражнялся лишь въ корыстолюбивыхъ оборотахъ. Все это извѣдавъ, графъ узналъ также, что Сладковскій приходитъ, безъ всякаго дѣла, въ канцелярію его и, отзываясь особливую его, графа, къ нему довѣренностію, старается вывѣдывать только тайну канцелярскую, отчего хотя и былъ благороднымъ образомъ отвращаемъ, но, по невоздержанію своему, довелъ секретарей до того, что они принуждены были отказать ему, дабы онъ безъ дѣла къ нимъ входа не имѣлъ. Тутъ Сладковскій произвелъ шумъ и грубости, и наконецъ, неудовольствуясь тѣмъ, пришелъ къ нему въ комнаты и сдѣлалъ предъ полиціймейстеромъ Зильбергарнишомъ дерзкія и укориженныя изреченія. При каковыхъ его дѣйствіяхъ, приказалъ онъ его, Сладковскаго, посадить въ цухтъ-гаузъ на недѣлю и послѣ, какъ человѣка безпокойнаго и вреднаго, выслать узаконеннымъ порядкомъ на прежнее его жилище, въ Малороссійскую губернію“.

По высочайшему повелѣнію, жалоба Сладковскаго была воавращена

къ нему „съ наддраніемъ“, а самъ онъ „преданъ суду гражданскихъ правительствъ по законамъ“ и 7 августа 1800 года отосланъ въ городскую тюрьму.

Оказалось, что Сладковскій взмскиваетъ, по довѣренности купца Коренева, съ венеціанскаго посланника, по векселю, 1,050 рублей и ходатайствуетъ о взисканіи съ бригадира князя Долгорукова по векселю ростовскому купцу Малышеву, отъ котораго, по условію, долженъ получить повѣренныхъ денегъ 135 рублей.

С.-Петербургскій уѣздный судъ (по 1-му департаменту, т. е. уголовному) нашель, что Сладковскій изобличился въ ябедничествѣ собственнымъ его выраженіемъ, якобы донесеніе военнаго губернатора послѣдовало на него по одной только клеветѣ отъ секретаря Розлача, и въ хожденіи за чуждыми дѣлами, а именно, купцовъ Коренева и Малышева — вынесенными справками. Поэтому судъ полагалъ: „за грубость и дерзость, за ябедничество и обыкновенныя при ономъ другіе, въ донесеніи военнаго губернатора прописанныя поступки, сверхъ понесеннаго уже Сладковскимъ содержаніемъ въ цухтъ-гаузѣ взисканія, движимое и недвижимое имѣніе его описать въ казну, впредь ни къ какимъ дѣламъ его не опредѣлять и за дѣлами въ присутственныхъ мѣстахъ въ повѣренныя не допускать, кромѣ только тѣхъ, которыя относятся будутъ къ персональной его обидѣ, такожь и по векселямъ, собственно отъ него и ему даннымъ, а не по налписямъ къ нему дошедшимъ, удаливъ его при томъ отсюда прежнее жилище, въ Малороссію.

Дѣло поступило въ 1 департаментъ палаты суда и расправы, которая дополнила производство свѣдѣніемъ отъ надзирателя цухтъ-гауза, что Сладковскій, во время содержанія тамъ, употребленъ былъ въ работу внутри дома и въ оковахъ не находился. Затѣмъ, 6 сентября, палата заключила, „что показаніе Сладковскаго, будто бы онъ невиненъ въ описанныхъ графомъ фонъ-дербъ-Паленомъ поступкахъ и что это послѣдовало единственно по проискамъ секретаря Розлача, — вниманія не заслуживаетъ и для того, за неосновательное утружденіе имъ, Сладковскимъ, его императорское величество просьбою, взискать съ него по чину за третъ головое жалованье и сіи деньги отослать къда слѣдуетъ, а потомъ, хотя онъ за свои поступки содержаніемъ въ цухтъ-гаузѣ уже потерпѣлъ, но, дабы онъ не могъ, проживая въ Петербургѣ, и еще заводить какихъ подобныхъ нынѣшнимъ дѣяній, согласно резолюціи военнаго губернатора фонъ-дербъ-Палена: выслать его изъ всей здѣшней губерніи, обявзавъ притомъ подпискою, чтобъ онъ не осмѣливался обременять высочайшую его

императорскаго величества особу таковыми недѣльными прошеніями подѣ опасеніемъ строгаго взыскапія по законамъ“.

Сенатъ первоначально не нашелъ явныхъ доказательствъ: „дѣйствительно ли Сладковскій заводилъ кого ухищреніями своими въ тяжбы, также писалъ ли кому ябедническія бумаги; въ какихъ присутственныхъ мѣстахъ, когда и отъ кого былъ оговореннымъ; кому разглашалъ, что онъ вездѣ вхожъ и уваженъ, давалъ ли какимъ страпчимъ у себя пристанище и упражнялся ли въ корыстолюбивыхъ оборотахъ“, — и предписалъ палатѣ сдѣлать по этому предмету точное изысканіе, а потомъ уже рѣшить дѣло на основаніи законовъ.

Въ возложенномъ на палату изысканіи она ограничилась отзывомъ фонъ-деръ-Палена, что онъ дѣйствительно нашелъ въ Сладковскомъ тѣ свойства и качества, за которыя, равно и за дѣянія его, по всей справедливости, заслуживалъ онъ не только содержанія недѣлю въ цухтъ-гаузѣ, но еще болѣе.

Тогда сенатъ это удостовѣреніе военнаго губернатора „во всѣхъ вышензъясненныхъ, непристойныхъ званію благороднаго поступкахъ“ призналъ точнымъ и согласился съ опредѣленіемъ палаты, вмѣнивъ Сладковскому въ наказаніе содержаніе его въ тюрьмѣ съ 7 августа 1800 года.

При докладѣ генераль-прокуроромъ, государь, „апробовавъ опредѣленіе сената, высочайше повелѣтъ соизволилъ: выслать его Сладковскаго и изъ Московской губерніи, съ тѣмъ чтобы и во оной не имѣлъ онъ пребыванія“.

Указъ объ исполненіи посланъ отъ сената въ палату 11 февраля 1801 года.

По вступленіи на престолъ Александра I, Сладковскій обращался къ нему съ всеподданнѣйшею просьбою, и государь, по разсмотрѣніи обстоятельствъ бывшаго о Сладковскомъ доклада сената 11 апрѣля 1801 г. повелѣлъ: „Сладковскому остаться здѣсь на пребываніи и дать судъ ему, по законамъ, съ коллежскимъ совѣтникомъ Розлачемъ, бывшимъ въ должности секретаря у военнаго губернатора“.

А. Г. Пупаревъ.

Разказы изъ временъ императора Павла I.

I. §.

Павелъ I часто прогуливался верхомъ по Петербургу, одинъ, или сопровождаемой свитою. Такъ въ одну изъ своихъ прогулокъ по Петербургу, сопровождаемый свитою, ѣхалъ онъ по адмиралтейской площади, мимо гауптвахты, которая была у входа въ адмиралтейство;

послѣднее было окружено каналомъ, на мѣстѣ котораго въ настоящее время разведенъ бульваръ, чрезъ каналъ былъ перекинутъ мостъ. Дежурный офицеръ на гауптвахтѣ, въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ сильно пьянъ; замѣтивъ приближающагося государя ударилъ тревогу, солдаты отдали честь, а офицеръ шатался и махалъ саблей.

Павель, подъѣхавъ къ гауптвахтѣ, послалъ адъютанта и велѣлъ арестовать офицера; адъютантъ передалъ слова государя офицеру, на что тотъ, не смущаясь, отвѣчалъ: „убирайтесь вонъ, иначе я васъ арестую“. Адъютантъ вернулся, но не рѣшился передать слова офицера государю; Павель, въ сильномъ гнѣвѣ на него, послалъ его вторично и повторилъ приказъ. Но пьяный офицеръ ему отвѣчалъ тѣмъ же и еще прибавилъ: „развѣ вы не знаете, что прежде, чѣмъ арестовать, вы должны смѣнить меня“.

Адъютантъ, вернувшись, передалъ слова офицера государю; на что Павель отвѣчалъ, „что онъ, пьяный (указывая на штабсъ-капитана) лучше насъ, трезвыхъ, знаетъ свое дѣло“, и наградилъ офицера чиномъ капитана.

II.

Утромъ, въ извѣстный часъ, Павель сидѣлъ предъ зеркаломъ, ему расчесывали голову и пудрили парикъ. Въ это время одинъ изъ молодыхъ адъютантовъ, донося ему о состояніи карауловъ, читалъ рапортъ и когда прочиталъ до мѣста „подъ арестомъ“ остановился и смутился, увидавъ, что подъ арестомъ никого не было. Павель, замѣтивъ смущеніе адъютанта, сердито спросилъ его: „кто подъ арестомъ, ...?“

Адъютантъ упалъ на колѣни и молвилъ: „я, ваше величество“. На это Павель ему сказалъ: „встань капитанъ“.

Сообщ. Осса...

Эпитафія Суворову.

1800 г.

Остановись прохожій!!

Здѣсь человекъ лежитъ на смертныхъ не похожій:
 Въ глуши, на крысѣ съ дьякомъ онъ басомъ пѣлъ
 И славою какъ Петръ, или Александръ гремѣлъ;
 Ушатою на себя колодезю лилъ воду.
 И пламень храбрости вливалъ въ сердца народу.
 Въ рубакѣ, въ каскѣ онъ предъ войсками верхомъ,
 Какъ молнія сверкалъ и поражалъ какъ громъ;
 Съ полками тамъ ходилъ, гдѣ чуть летаютъ птицы,
 Жилъ въ малой хижинѣ, а отнималъ столицы.
 Не въ латахъ на конѣ, какъ греческій герой,
 Съ нагайкою въ рукѣ съ полдюжины онъ Трой,

Не со щитомъ златымъ уstraшены, онъ паче
 Въ едино зѣто взялъ и на казачьей клячѣ.
 По пѣтухамъ вставалъ, сражался на штыкахъ.
 Чуждой народъ носилъ его на головахъ;
 Одною пищею съ солдатами питался;
 Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ причитался,
 Былъ двухъ имперій вождь, Европу удивлялъ,
 Сажалъ царей на тронъ, — самъ на соломѣ спалъ.

Примѣчаніе, Эпитафія эта заимствована изъ собранія бумагъ купеческаго сына Гусева. Написана она на полулистѣ синей бумаги, тѣмъ же почеркомъ, ка-кимъ написана также одна тетрадка. съ помѣткою на ней: «1796 годъ.»

Сообщ. А. Г. Пупаревъ.

Расправа съ дворовымъ челоѡкомъ.

(Составлено по оофициальнымъ документамъ).

1818 — 1819 г.

У находившагося въ Петербургѣ поручика лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, Александра Дмитріевича Тулубьева былъ въ услуженіи дворовый челоѡкъ назъ имѣнія его отца, Андронъ Степановъ.

Въ ноябрѣ 1818 г.. Степановъ сказалъ своему барину, что онъ плохо его еодержитъ. Тулубьевъ хотѣлъ за такія дерзкія слова наказать дома Степанова, но тотъ не дался и сказалъ господину, что, если хочеть наказывать, отправилъ бы для этого въ полицію.

Тулубьевъ не захотѣлъ, при посредствѣ полиціи, наказывать своего слугу и „за разныя его несносныя дерзости и прочіе безпорядки“ отправилъ, при запискѣ, въ работу на монетный дворъ, въ петербургской крѣпости.

На Степановѣ не было ни сапогъ, ни достаточной одежды. Онъ обратился съ просьбой къ лаборанту монетнаго двора, берггауптману 6 класса Веніамину Хоппе, чтобъ послалъ за этимъ къ барину; но Хоппе выгналъ его изъ своей конторы и приказалъ надѣть ему двѣ на ноги и третью на шею тяжелыя желѣзныя рогатки.

Въ такомъ видѣ Степановъ работалъ три дни, ѣсть давали ему мало. Онъ вышелъ изъ тертінія, и, когда, утромъ 16 ноября, рабочіе собрались на переключку, то, при входѣ къ нимъ Хоппе, кинулся на него, ударилъ Хоппе въ лицо, отчего Хоппе упалъ и изъ уха пошла кровь: затѣмъ еще нанесъ ударъ по плечу. Степанова тотчасъ схватили: Хоппе отправилъ его, при частной запискѣ, въ сѣзскій домъ петербургской части, съ объясненіемъ только, что отсылаетъ за буйный поступокъ противъ себя.

Въ частн отказались содержать Степанова. такъ какъ онъ прис-

лианъ былъ не по командѣ. Хоппе отправлялъ его потомъ къ коменданту крѣпости, но и тотъ его не принималъ. Тогда Хоппе приказалъ снять съ Степанова рогатки и надѣть ему большую цѣпь отъ вѣсовъ и приковать къ стѣнѣ въ сѣняхъ. Недѣли черезъ три Степановъ переведенъ былъ въ караульню; тамъ онъ сидѣлъ тоже на цѣпи, прикованный къ стѣнѣ, мѣсяца съ полтора; отъ тяжелаго воздуха въ караульнѣ сдѣлался боленъ и переведенъ въ контору, гдѣ также держали его на цѣпи.

Такъ просидѣлъ Степановъ два мѣсяца и 12 дней, и сталъ просить пощады у Хоппе. Лаборантъ приказалъ наказать его палками и посадить въ стулъ, съ которымъ тотъ ходилъ на работу.

Въ февралѣ 1819 года, Хоппе описалъ Тулубьеву поступокъ Степанова и, находя, что опасно держать его вездѣ, просилъ поскорѣе взять Степанова и отослать куда слѣдуетъ, для полученія заслуженнаго наказанія.

Тулубьевъ обратился въ управѣ благочинія съ требованіемъ о поступленіи съ Степановымъ по законамъ. Началось слѣдствіе и Степановъ взятъ былъ съ монетнаго двора въ Петербургскую часть 25 февраля, а съ тѣмъ вмѣстѣ освобожденъ отъ стула.

Отвѣчая на запросъ, Хоппе писалъ въ часть, что Степановъ былъ не въ трехъ, а въ двухъ рогаткахъ, и притомъ не болѣе трехъ сутокъ; „рогатки ему не дѣлали никакого безпокоительства и совершенно ему ни въ чемъ не мѣшали“; послѣ буйственнаго поступка со мною, Степановъ сидѣлъ прикованный къ стѣнѣ около двухъ мѣсяцовъ, безъ рогатокъ на ногахъ, „и сіе также не мѣшало ложиться ему отдыхать“; Степановъ испросилъ прощенія „и при выпускѣ отъ стѣны былъ наказанъ, въ страхъ другимъ, до 30-ти ударовъ палками“. Хоппе заявилъ, что не только не имѣлъ претензій на Степанова, но что и г. Тулубьевъ не вправѣ преслѣдовать человѣка, который не принадлежитъ лично ему.

Выставленные самимъ же Хоппе свидѣтели рассказали объ обращеніи его съ Степановымъ такъ, какъ оно выше описано; осталось лишь неразъясненнымъ 30, или не болѣе 50, какъ показалъ Степановъ, дано было ему налочныхъ ударовъ.

Управа благочинія призвала, что Степановъ долженъ судиться за оскорбленіе начальнива того мѣста, гдѣ содержался. Степановъ былъ отосланъ въ тюрьму.

Въ апрѣлѣ 1819-го года уголовная палата приговорила:

„Поелику Степановъ былъ наказанъ палками 30 ударами, также былъ прикованъ къ стѣнѣ на цѣпь и посаженъ въ стулъ, то, вмѣня ему все то за причиненный дерзкій поступокъ въ наказаніе, строжайше подтвердитъ, чтобъ подобныхъ дерзостей чинить не осмѣливался и былъ

бы у помѣщика своего въ должномъ повиновеніи, въ противномъ случаѣ подвергнетъ себя неминуемому на тѣлѣ наказанію“.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о стулѣ, упоминаемомъ въ нашемъ разсказѣ. Стуломъ въ подобныхъ случаяхъ назывался отрубокъ дерева, къ которому приковывали наказываемаго, или того, чьего побѣга опасались. Стулья были неподвижные и подвижные. На стулѣ второго рода осужденный могъ сидѣть и носилъ вездѣ съ собою эту ношу, вѣсомъ около полутора пуда. Стулъ составлялъ необходимую принадлежность воеводскихъ канцелярій XVIII вѣка и вмѣстѣ съ цѣпами и тому подобнымъ упоминается въ актахъ о сдачѣ казеннаго имущества снимаемымъ воеводою поступающему на его мѣсто. Впрочемъ, распоряженіе объ уничтоженіи стула послѣдовало только 31 марта 1826 года, въ слѣдующемъ печатномъ циркулярѣ бывшаго тогда министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго къ губернскимъ прокурорамъ:

„Его императорское величество, удостоивъ высочайшаго утвержденія мнѣніе государственнаго совѣта о поступкѣ ярославскаго частнаго пристава Волотова въ содержаніи рядоваго Срамченки въ связкемъ дворѣ на цѣпи, прикованной къ стулу и надѣтой на шею, — съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣть соизволилъ *), чтобы я предписалъ нанежайше всѣмъ прокурорамъ: „осмотрѣть, есть-ли подобныя стулья и прочее съ цѣпами, и истребить, съ строжайшимъ повелѣніемъ не изобрѣтать ничего подобнаго“.

„Въ слѣдствіе чего, я рекомендую вамъ, исполнивъ тотчасъ такое высочайшее его императорскаго величества повелѣніе, о томъ, что окажется, донести мнѣ съ первою почтою; да и на будущее время имѣть неослабное наблюденіе, дабы, отнюдь не было допускаемо подобныхъ стульевъ и прочаго съ цѣпами, подъ собственною вашею за противное тому строжайшею отвѣтственностію“.

Въ слѣдующемъ, 1827 году, содержаніе служилымъ сотникомъ войска донскаго Левицкимъ, малороссіянина Климова въ неподвижной колодѣ, отчего Климовъ умеръ, признано было государственнымъ совѣтомъ за пытку и 9 февраля послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобъ „подъ предлогомъ удержанія, отдаваемыхъ подъ стражу лицъ, отъ побѣговъ не было изобрѣтаемо и употребляемо иныхъ способовъ наказанія или содержанія, кромѣ опредѣленныхъ законами“ **).

Впрочемъ и это повелѣніе не вездѣ принято было къ исполненію.

*) 20 марта 1826 года. По этому дѣлу мнѣніе государственнаго совѣта, высочайше утвержденное, помѣщено во 2-мъ Пол. Соб. Зак. № 198.

**) Въ 2-мъ Пол. Соб. № 894.

Даже въ Новоладожскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, въ вотчинѣ графини Лаваль таковой стулъ былъ въ употребленіи въ 1830 году.

Такой стулъ съ цѣпью намъ пришлось видѣть еще въ 1860 году, въ селѣ Старошешминскѣ, Чистопольскаго уѣзда, Казанской губерніи, въ сборной избѣ государственныхъ крестьянъ.

А. Г. Пупаревъ.

„Разсказъ о бунтѣ Семеновскаго полка“ 1820 г. и три стихотворенія К. Θ. Рылѣва, обозначенныя въ оглавленіи на оберткѣ, будутъ напечатаны въ слѣдующихъ книгахъ „Русской Старины“.

Нѣ замѣтитъ о родѣ перваго русскаго эмигранта Абраама Веселовскаго.

Ниже на стр. 447 помѣщена замѣтка объ Абраамѣ Веселовскомъ. Приводимъ его родословную весьма обязательно сообщенную намъ однимъ изслѣдователемъ отечественной старины.

„Родословная Абраама Веселовскаго интересна между прочимъ тѣмъ, что изъ нея видно, что жена извѣстнаго англійскаго писателя Диксонъ (James Dixon, авторъ весьма замѣчательнаго, недавно напечатаннаго путешествія по Россіи) приходится праправнучкою Веселовскому.

I.

1. Павелъ Веселовскій, женатъ: 1) Марія Никол. Аршеневская. 2) N. N.

II.

{ Отъ 1-го брама { { {	2. Абраамъ Павл., р. 1685 † 1782, резидентъ Петра I въ Вѣнѣ съ 1715; въ 1719 отозванъ въ Россію; скрылся въ Швейцаріи, гдѣ женился и умеръ, жен. Маріанна Фабри (Fabri), изъ Женевы.
	3. Исаакъ Павл., т. с., кав. св: Ал. Нев. † въ сент. 1754.
	4. Феодоръ Павл., т. с., уволенъ 21 сент. 1762.
	. . . . . Павловна, за Дурновымъ.
. . . . . Павловна, за Щепотьевымъ.	

III.

Екатерина Абрам., за Филибутомъ Крамеромъ, Женевскимъ гражданиномъ.

Renée Абрам. за англійскимъ пасторомъ Симпкинсономъ (F.

Simkinson). Ихъ родная внучка, Марія-Луиза Симпкинсонъ, въ замужствѣ за англійскимъ писателемъ Диксономъ (James Dixon).

Марія Абрам., за Класономъ.

. . . . Абрам., за Якомъ (Jaek).

Въ семействѣ Симпкинсонъ до сихъ поръ хранятся разныя вещи, принадлежащія Абрааму Павловичу, какъ-то: великолѣпный портретъ (чей?), нѣсколько серебряныхъ вещей, золотая табакерка съ брилліантами, подаренная Петромъ I—Абр. Павловичу послѣ Полтавской битвы.

Гербъ на печати, которую обыкновенно употреблялъ Абраамъ Веселовскій слѣдующій: половина двуглаваго орла, полумѣсяць, надъ нимъ звѣзда, внизу цвѣтокъ. Гербъ поддерживаютъ два льва. На лѣвой сторонѣ гербъ Женевской фамиліи Фабри.

ДВѢ ЭПИГРАММЫ, ПРИПИСЫВАЕМЫЯ Д. В. ДАВЫДОВУ.

I.

На князя П. И. Шаликова.

Грузинскій князь, газетчикъ русской,
Героя трусомъ называлъ,
Но оплеушной съ закуской
Ему герой нашъ отвѣчалъ.
Онъ ѣдетъ къ боевому куру,
Спасаетъ родину князю,
А князю держитъ корректуру
Литературнаго листка.

II.

Крючковъ изъ кабачка Совы
Богъ вѣдаетъ куда по стѣнѣ пробирался;
Шелъ, шелъ и ружьюся; народъ расхотался!
Чему бы, кажется? Да люди таковы!
Однако нѣкто изъ толпы,
Почтенный человекъ помогъ ему подняться
И говорить:—«Дружокъ, чтобъ впредь не спотыкаться,
Тебѣ не надо пить!»
— Эхъ братецъ, все не то: не надо мнѣ ходить!
Сообщ. Л. Н. Майковъ.

КЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕНСУРЫ.

Приводимъ два стихотворенія 1823 года, замѣчательныя по тѣмъ помаркамъ, которымъ подвергнулъ ихъ печальной памяти цензоръ Александръ Ивановичъ Красовскій. Крайняя ограниченность этого человѣка, стоявшаго весьма долго на стражѣ русской литературы, почти вошла въ свое время въ поговорку. Въ литературныхъ кружкахъ до сихъ поръ ходитъ множество пресмѣшныхъ анекдотовъ изъ долголѣтнаго періода ценсорской дѣятельности Красовскаго. Впослѣдствіи мы надѣемся привести въ отдѣлѣ „Записной книжки“ „Русской Старины“ кое-что о Красовскомъ, а пока подѣлимся

его замѣтками на два стихотворенія. Оба онѣ имѣются у насъ въ подлинникѣ:

Паденіе листьевъ.

Съ деревъ на поздній знакъ полей
 Листы поблеклые опали,
 Дубравы безъ тѣней стояли,
 Молчалъ пустынный соловей.
 Недугомъ и тоской томимый,
 Тѣхъ мѣстъ страдалецъ молодой
 Въ послѣдній разъ странѣ родимой
 Вѣтвралъ печальный голосъ свой.
 «Простите холмы и долины,
 Прости любезная рѣка!
 Я слышу вѣсть моей кончины
 Въ паденьѣ каждаго листка.
 О роковое прорипанье!
 Я не забылъ твой сграшный гласъ:
 «Уаришь ты рощей удаданье,
 «Но ихъ узришь въ послѣдній разъ.
 «Трепещеть кипарисъ священный!
 «Уже надъ головой твоей
 «Суровой смерти обреченный
 «Склонилъ онъ сѣнь своихъ вѣтвей.
 «Твой краткій вѣкъ — былъ сонъ лукавый,
 «Увянешь ты во цвѣтѣ дней,
 «Скорѣй чѣмъ листъ твоей дубравы,
 «Скорѣй чѣмъ знакъ твоихъ полей.»
 Сбылось! своимъ дыханьемъ хладнымъ
 Болѣзнь подула на меня,
 И сомъ неяснымъ, безотраднымъ
 Промчалась молодость моя.
 Шуми, валися листъ минутный,
 Шуми, валися съ родныхъ вѣтвей,
 Засынь, сокрой мой холмъ пріютный
 Отъ взоровъ матери моей.
 Но если дѣва, мнѣ драгая,
 Подъ покрываломъ, въ тишинѣ,
 Какъ призракъ изъ-за древъ мелькаѣя
 На грустный холмъ придетъ ко мнѣ,
 И плакать простоудшно будетъ
 И робко вымолвить: люблю!
 Пусть легкій шорохъ твой пробудитъ
 Тѣнь умиленную мою.
 Сказалъ — и тихо удалися;
 На утро — юноша погасъ!
 Но холмъ завѣтный, въ тихій часъ
 Отъ нѣжной матери не скрылся:
 Напрасенъ былъ страдальца гласъ.

И часто зрѣлась тамъ у древа
Мать безутѣшная въ слезахъ,
А съ милой лаской на устахъ
Туда не приходила дѣва.

Марта 9, 1823.

Туманскій.

Стихотвореніе это предназначалось Гречемъ для „Сына Отечества“. Строки, набранныя разрядкой, ценсоръ А. И. Красовскій зачеркнулъ чернилами. Противъ первыхъ зачеркнутыхъ стиховъ Красовскій подписалъ карандашомъ „какая дѣва?“ Четвертый и третій стихи съ конца, служащіе окончаніемъ пьесы въ томъ видѣ, какъ она допущена ценсурою, Красовскій отмѣтилъ карандашомъ въ большихъ скобкахъ и затѣмъ подписалъ чернилами свою фамилію. Надъ помѣтою автора „марта 9“ стоитъ карандашомъ NB и ниже, послѣ такого же знака, Красовскій написалъ:

„9 марта 1823, т. е. въ одинъ изъ первыхъ дней великаго поста, весьма неприлично писать о любви дѣвы, неизвѣстно какой, когда говорятъ о материнской любви и о смерти. При томъ NB „Сынъ Отечества“ читаютъ люди степенные и даже духовные.“

Гречъ написалъ тутъ-же чернилами карандашныя замѣтки Красовскаго. Въ началѣ полулиста, на которомъ написаны стихи, сдѣлана чернилами помѣта: „Къ 17 кн. С. О.“

Ред.

II.

Романсъ съ французскаго.

Въ Провансъ, подъ прекраснымъ небомъ,
Родясь — рыцарь и пѣвецъ,
Я не богатъ: котомка съ хлѣбомъ,
Цѣвница, вѣрный кладенецъ,
Вотъ весь мой скарбъ непрехотливой!
Но я безъ алата не тужилъ
И, чуждъ заботы хлопотливой,
Счастливымъ трубадуромъ былъ!
Тогда еще любви мученья,
Тоски — безпечный, я не зналъ;
Кипѣлъ отвагой средь сраженья;
Лавръ на турнирахъ пожиналъ;
Вездѣ за пѣсенки гость званый,
Въ награду — уносилъ съ собой:
Привѣтъ хозяина желанный
И вздохъ хозяйки молодой.
Но, ахъ! — дорогой утомленный
Разъ, въ Аквитанѣ, вечеркомъ
Я вижу замокъ возвышенный
И въ дверь стучуся посопкомъ...

Вдругъ дивное въ глазахъ явленье!
 Владѣтель сихъ пріютныхъ стѣнъ...
 Красавица-обвороженье!
 И сердцѣ кинулося въ плѣнъ...
 Прости свобода съ той минутой;
 Дышу лишь милою мечтой;
 Въ крови огонь пылаетъ лютый...
 Прости и радость, и покой!
 Цѣвница, пѣсни — все забыто!
 Отвагу страхомъ я сховаю
 И, жертва страсти неоткрытой,
 Несчастливымъ трубадуромъ сталъ!

А. Екстазичъ.

Стихотвореніе это предназначалось Гречемъ для № 11 „Сына Отечества“ 1823 года, какъ видно изъ карандашной помѣты на немъ рукою Греча. Просматривая стихи, цензоръ Красовскій поставилъ карандашемъ NB противъ тѣхъ изъ нихъ, которые напечатаны здѣсь разрядкой и, сверхъ того, написалъ:

„Сія стихи приличнѣе будетъ напечатать въ № 18-мъ или 19-мъ С. О. Теперь сыны и дщери церкви молятъ Бога, съ земными поклонами, чтобы Онъ далъ имъ духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви (совсѣмъ другой, нежели какова, побѣдившая французарыцаря). Надѣюсь, что и почтенный сочинитель прекрасныхъ стиховъ неосудитъ Ц. за совѣтъ, который дается отъ простоты и чистого усердія къ нему и его читателямъ.“

Надъ помѣтою Греча „къ № 11 С. О.“ Красовскій поставилъ „18 или 19.“

Ред.

Проектъ указа Александра I-го объ одеждѣ лицъ духовнаго сословія.

1825.

I.

Дошло до нашего свѣдѣнія, что нѣкоторые причетники церковные въ видѣ и одеждѣ отъ древнихъ обычаевъ нашей церкви, равномѣрно и ученики духовные, предназначенные для служенія алтарю Господню, не соблюдаютъ свойственное имъ смиреніе въ одѣяніи, по духовному званію столь приличное; а жены и дочери священно-церковныхъ служителей, неуступая въ мірскихъ нарядахъ, водворяютъ между собою раззорительную роскошь и неностоянство.

Желая положить преграду дальнѣйшимъ отступленіямъ отъ древнѣйшихъ обычаевъ, повелѣваемъ Святѣйшему Синоду, на основаніи слова Божія и церковныхъ постановленій, составить правила о благоприличномъ духовнымъ лицамъ одѣяніи, которое отличая ихъ отъ

мірскихъ, въ тоже время напоминало имъ приличіе ихъ званію и обязанности, и сіи правила представить намъ на утверженіе.

Тако бытъ посему Александръ.

31 августа 1825. Каменный островъ.

II.

Приведенный проектъ указа „о благоприличномъ духовнымъ лицамъ одѣяніи“ приписывали вліянію Фотія. Какъ плодъ внушеній этого изуверъ, странное распоряженіе встрѣчено было неудовольствиемъ и, какъ можно полагать, однимъ изъ духовныхъ тогда же было написано слѣдующее сатирическое стихотвореніе:

Бѣда вамъ попадѣ, поповичи, поповны,
 Попались вы подъ судъ и причеть весь церковный!
 За чтожь? за чепчики, за блонды, кружева,
 За то, что и у васъ завита голова,
 За то, что ходите не въ шубахъ, а въ салонахъ,
 Не въ длинныхъ сарафанахъ, — въ нынѣшнихъ капотахъ,
 За то, что носите, съ мірскими на ряду,
 Одежды свѣтскія—себѣ лишь на бѣду;
 А ваши дочери отъ барынь не отстали:
 Въ корсетахъ стянуты, турочки носятъ шали!
 Вы стали ихъ учить искусству танцовать,
 Знакомить съ музыкой, французской вздоръ болтать.
 Къ чему отличное давать имъ воспитанье?
 Внушали-бъ имъ любить свое духовно званье!
 Къ чему ихъ возите на балы и пиры?
 Учили-бъ ихъ варить кутью, печь просвиры.
 Коль правду вамъ сказать—вы матери не правы,
 Что глупой модою лишь портите ихъ нравы.
 Что пользы?—вотъ онѣ пустились въ шумный міръ,
 Глядятъ ужъ болѣе на фракъ или мундиръ,
 Не отъ того-ль, что ихъ по модѣ воспитали,
 А грамотѣ учить славянской перестали?
 Бывало знали-ль вы, что значить модной вкусъ?
 А нынѣ шьютъ на васъ, иль нѣмецъ, иль французъ.
 Бывало въ простотѣ, въ безмолвіи вы жили,
 А нынѣ стали знать мазурку и кадрили.—
 Ну право тяжкій грѣхъ—оставьте этотъ вздоръ,
 Смотрите—вотъ на васъ составленъ ужъ соборъ,
 Вотъ скоро Фотій самъ съ васъ нову мѣрку смететь,
 Нарядитъ въ вофты всѣхъ, а лишнее посекнетъ.
 Вотъ скоро... дайте лишь собрать владыкамъ умъ,
 Они вамъ выстроятъ уродливой костюмъ:
 Задача имъ дана, зарылись всѣ въ архивы,
 Въ нилы отцы, въ поту — они трудолюбивы:
 Одинъ забрался вдаль, подѣ Авраамовъ вѣкъ,

Совѣта требовать отъ бабушекъ Ревекъ;
 Другой—перечиталъ обряды Назареевъ,
 Прочелъ записки всѣ о древностяхъ евреевъ;
 Иной всѣ гречески костюмы перебралъ!
 Другой славянскіе уборы отыскалъ...
 Собрали образцы... открыли засѣданье:
 Какое дать поповнамъ прилично одѣянье,
 Какое попадьямъ, какое дѣтямъ ихъ?
 Рѣшите же отцы! но споръ одинъ у нихъ:
 Столь важное для всѣхъ, столь чрезвычайно дѣло!
 Безъ споровъ обойтись отцамъ нельзя никакъ,
 Иначе попадутъ въ грѣхъ тяжкій и просакъ!
 О чемъ же этотъ споръ?—предметъ его преважный:
 Ходить-ли попадьямъ въ матеріи бумажной,
 Имѣть-ли шелковы на головахъ платки,
 Носить ли на ногахъ козловы башмаки? *
 Чтобъ роскошь прекратить столь чуждую ихъ лицамъ
 Нельзя ли обратить ихъ къ древнимъ къ славяницамъ?
 А чтобъ не тратились по ланкамъ, по швеямъ,
 Не дать ли имъ покрой пустыни сродной намъ?
 Нѣтъ нужды, что онѣ въ нихъ будутъ какъ путихи.
 За то узнаетъ всякъ, что это не купчихи,
 Не модны барыни, а лишь церковна тѣнь.
 Бѣда вамъ, матушки! дождались перемѣн!
 Но успокойтесь, страхъ великъ лишь издали бываетъ.
 Вотъ Шаликовъ своей улыбкой ободряетъ:
 «Молчите, говорить, я самъ войду въ Синодъ,
 Представлю свой журналъ и вѣрно въ новыи годъ
 Какъ крохотъ на васъ уборъ святыхъ отцамъ,
 Не быть портными имъ, коль мысли я не дамъ» *).

Сообщ. А. Н. Неустроевъ.

Донская конная артиллерія.

Мы скучали въ карантинѣ, возвращаясь въ 1829 году изъ турецкаго похода, не то на Прутъ, не то на Днѣстръ и потѣшались, отъ нечего дѣлать, ученьемъ донской конной артиллеріи подъ начальствомъ Кирпичева. Ученье это, въ самой вещи, было дѣломъ потѣшнымъ. Начиналось всегда тѣмъ, что дикіе, застоявшіеся кони кое-какъ еще спосно выѣзжали на позицію и строились; но затѣмъ, едва выждавъ первую команду, прядя ушами, несли врозь, во всѣ стороны: мчались

*) Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (1768—1852) извѣстный своими крайне сентиментальными литературными произведеніями, въ которыхъ онъ по дражанію Карамзину довелъ до уродства. Съ 1823 по 1833 г. Шаликовъ издавалъ «Дамскій журналъ», послужившій въ свое время предметомъ многихъ шутокъ и острогъ надъ его издателемъ.

Ред.

неудержно пушки шестерней, зарядные ящики тройками, мчались по широкому полю на кругахъ, во весь духъ, и только уходившись и упарившись порядкомъ, исподволь смирились и наконецъ снова выстраивались. Стукъ и грохотъ заглушалъ все, командныхъ словъ не было слышно, да и никто не былъ въ силахъ исполнять ихъ. По окончаніи этого вступленія, все приходило въ порядокъ, снова раздавалась команда „смирно“ и начиналось ученье.

Сидя ночью за костромъ, мы шутили надъ этимъ, когда подошелъ къ огню и самъ Кирпичевъ. „Да, господа, смѣйтесь“, сказалъ онъ, „а съ этими людьми и лошадьми не пропадешь, только надо быть о двухъ головахъ. Въ прошломъ 1828-мъ году, государь императоръ отправился изъ арміи на два перехода, выславъ впередъ на привалъ дивизионъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка и пол-роты нашей конной артиллеріи, тогда какъ въ конвой съ его величествомъ пошелъ другой дивизионъ того же полка и другая половина моей конной роты. Выступили на зарѣ при тихой, прекрасной погодѣ. Государь былъ веселъ; кромѣ штаба и полковаго командира, а также присоединился къ конвою. Мѣсто было безопасное; государь приказалъ вызвать гѣсенниковъ, сперва конныхъ егерей, а потомъ, на смѣну имъ, казаковъ. Прошли уже половину перехода; тогда государь сказалъ:

— „Тутъ кажется дойдемъ и безъ конвоя, до привала должно быть не далеко“, и, оборотясь, сказалъ „спасибо“, и коннымъ егерямъ и намъ, и приказалъ отпустить конвой.

Услыша за собою топотъ, государь оглянулся, и, увидавъ меня, спросилъ: „Куда-жь вы?“

Я отвѣчалъ, что моя полурота впереди, на привалѣ, и потому прошу его величество дозволить мнѣ остаться.

Прошло нѣсколько минутъ или болѣе, какъ вдругъ впереди послышался выстрѣлъ. Государь остановился и, оборотясь, глядѣлъ на насъ. Изъ авангарда прискакала фланжеръ, подтвердивши, что впереди былъ слышенъ выстрѣлъ. Государь, простоявъ молча нѣсколько секундъ въ нерѣшимости, сказалъ: „Воротить конвой“.

Полковой командиръ пустился во всѣ лопатки! Обратясь ко мнѣ, государь прибавилъ: „Кирпичевъ, приведи мнѣ свою полуроту!“ Подъ полковникомъ былъ конь лихой, но манежный, не нашъ степной; я чухнулъ, обскакалъ товарища и догнавъ полкъ, пролетая мимо, закричалъ дивизионному: „Воротитесь, государь въ опасности!“ А наступивъ артиллерію, которая шла напередѣ, гаркнулъ безъ команды во весь голосъ: „Ребята! государь въ опасности! На лѣво кругомъ, марш-марш! подхватывай на лямки!“

Вотъ и загрохотали мои пушки и ящики, ровно здѣсь на ученьи,

въ чистомъ полѣ, а казаки, подскакивая подъ орудія, захлестывали ляжки и неслись во весь духъ. Такъ мы обогнали конныхъ егерей безъ оглядки, по сказочному: сталь передо мной, какъ листъ передъ травой! И полурота моя неудержно пронеслась мимо царя, насилу справившись, чтобы остановиться. Я подсказалъ къ государю, онъ вынулъ часы и взглянувъ на меня, сказалъ: „Молодцы!“ Потомъ подѣхалъ къ полуротѣ, сказалъ спасибо, выслушалъ: „рады стараться“, и увидавъ пыль изъ-подъ конныхъ егерей, опять вынулъ часы, выждалъ приближеніе дивизіона и сказалъ мнѣ: „Кирпичевъ, ты на семь минутъ опередилъ конныхъ егерей!“

Тревога оказалась пустою, но наши дикіе кони, какъ видите, свое сдѣлали!“

В. И. Даль.

Замѣтка объ Авраамѣ Веселовскомъ, уроженцѣ московскомъ, прапродителѣ семейства Крамеръ, въ Женевѣ *).

Помѣщаемая ниже замѣтка написана гражданиномъ города Женева г. Крамеромъ, потомкомъ, по женской линіи, одного изъ первыхъ по времени русскихъ эмигрантовъ Авраама Павловича Веселовскаго, и сообщена намъ С. Д. Безобразовымъ. Г. Крамеръ ошибочно именуетъ своего прадѣда Веселовскаго — Веселовымъ.

Ред.

Бабка моя, Екатерина Веселова, жена Филиберта Крамеръ, была благороднаго происхожденія, дочь московскаго дворянина. Исторія этого дворянина слѣдующая:

Однажды Петръ Великій увидѣлъ у вице-канцлера, барона Шафирова, внука сего (?) послѣдняго, Авраама Веселова, которому въ то

*) Подлинникъ замѣтки г-на Крамера о А. П. Веселовскомъ:

«Notice abrégée sur Abraham Wesselow de Moscou Ayeul de la famille Cramer à Genève. Ma grand'mère Catherine Wesselow, femme de Philibert Cramer, était d'une naissance relevée, fille d'un noble Russe de Moscou dont voici l'histoire: Pierre le Grand ayant vu chez le Baron Schaffirew, vice-chancelier d'Etat, son petit fils Abraham Wesselow, alors âgé de quinze ans; ce jeune homme lui plut et il se chargea de sa fortune. Il l'employa d'abord comme secrétaire privé et lui témoignait la plus grande confiance. Il s'en servit aussi comme aide-de camp; notamment à la bataille de Pultawa, où il se conduisit d'une manière brillante et il fut choisi par le Czar pour en porter la nouvelle au Roi de Danemarck. Abraham Wesselow fut ensuite employé comme plénipotentiaire du Czar auprès de l'Empereur d'Allemagne à Vienne Charles VI, et la manière distinguée dont il remplit cette mission est consignée dans une attestation au Czar en langue latine de la propre main de ce monarque, dont la famille Cramer est en possession. Mais Abraham Wesselow fut enveloppé dans la disgrâce du czarévitch Alexis, qui conspira contre son Père, dit l'histoire, ou qui plutôt inspira des inquiétudes à l'ombrageux Czar. Forcé de quitter précipitamment la Russie Wesselow se

время было пятнадцать лѣтъ. Государю понравился молодой человекъ, и онъ далъ слово обезпечить его будущность. Авраамъ Веселовъ началъ свое поприще въ качествѣ частнаго секретаря при царѣ, который ему оказывалъ большое довѣріе. Царь возлагалъ на него и должность адъютанта при полтавской битвѣ, гдѣ онъ отличился, почему былъ избранъ царемъ для сообщенія датскому королю (Фридриху IV) извѣстія о побѣдѣ.

Впослѣдствіи (1715 г.) Авраамъ Веселовъ былъ резидентомъ царя въ Вѣнѣ при императорѣ германскомъ Карлѣ VI. Онъ отлично исполнилъ порученіе царя, о чемъ свидѣтельствуетъ грамота, написанная для царя самимъ монархомъ по-латыни. Грамота эта и понынѣ хранится въ семействѣ Крамера. Въ дѣлѣ царевича Алексѣя, Авраамъ Веселовъ заслужилъ гнѣвъ царя. Царевичъ Алексѣй, какъ говоритъ исторія, былъ въ заговорѣ противъ царя, или, что вѣроятнѣе, внушалъ недовѣріе мрачному характеру отца. Принужденный внезапно выѣхать изъ Россіи, Авраамъ Веселовъ отправился къ своему брату Фёдору, который былъ въ то время посланникомъ въ Англии *). Изъ Англии онъ поѣхалъ въ Женеву, гдѣ онъ, нѣсколько лѣтъ спустя, когда

rendit en Angleterre auprès de son frère Frédéric, qui y résidait comme ambassadeur du Czar. Il se retira ensuite à Genève où il épousa plusieurs années après Marianne Fabri à l'âge de passé 60 ans, fille du 1-er Syndic et de la plus ancienne famille connue de cette ville, qui comptait parmi ses ancêtres Adhémar Fabri Evêque Souverain de Genève dans le XII siècle, auteur des franchises auxquelles elle a du plus tard son indépendance entière. De ce mariage sont nées quatre filles, dont l'ainée Catherine Wesselow mariée à Philibert Cramer, conseiller d'Etat de la République de Genève a été ma grand' mère. Ses 3 autres soeurs se sont mariées et établies en Angleterre avec des gentlemens, Clason, Simpkinson et Jæk et où elles ont eu des descendants. Abraham Wesselow est parvenu à l'âge de 97 ans et est mort à Genève en 1780 environ; ses facultés étaient baissés vers la fin de sa vie. L'ainé de mes frères a conservé son portrait avec quelques papiers de famille. Mon bisateul avait deux frères, Frédéric qui fut ambassadeur en Angleterre et à son retour en Russie, directeur Supérieur du Corps de cadets, chevalier de St. Alexandre Newsky, et Isaak Wesselow qui est mort, Introduceur des ambassadeurs sous l'Impératrice Elisabeth. Il eut aussi deux soeurs d'un second mariage de son Père, l'une fut mariée à M-r Dournoff, et l'autre à M-r Chapotieff. Il est né à Moscou. Nous croyons qu'il n'existe plus à présent de descendants mâles de la famille Wesselow, mais ses services et ses titres n'ont pas été oubliés en Russie, car dans le commencement de ce siècle le chargé d'affaires de Russie en Suisse fit demander à ma grand'mère Cramer une copie du portrait de son Père pour l'envoyer à St. Pétersbourg et l'Empereur Alexandre 1-er lui accorda en 1803, sur la cassette Impériale une pension de cent ducats de Hollande, dont elle a joui jusqu'à sa mort en 1813.

*) Веселовскій скрылся не изъ Россіи, а изъ Берлина—13 апрѣля 1719 г. Въ Берлинѣ Авраамъ Павловичъ получилъ повелѣніе царя—черезъ Петра Андреевича Толстаго—снѣзять въ Россію. Устрашенный гибелью многихъ вельможъ

ему было болѣе 60-ти лѣтъ, женился на Маріаннѣ Фабри, дочери 1-го синдика, потомка древняго рода, считавшаго въ числѣ предковъ Адгемора Фабри, главнаго женевскаго епископа XII вѣка, творца тѣхъ установлений, которымъ Женева обязана своею независимостью.

Отъ брака Авраама Веселова родились четыре дочери; старшая изъ нихъ, Екатерина, моя бабка, была замужемъ за Филибертомъ Крамеромъ, государственнымъ совѣтникомъ женевской республики. Другія три сестры вышли замужъ и поселились въ Англію, гдѣ имѣли потомство. Мужья ихъ были джентльмены: Класонъ, Симкинсовъ, Джекъ. Авраамъ Веселовъ дожилъ до 97-ти лѣтъ, и скончался въ Женевѣ въ 1780 году. Къ концу жизни способности его притупились.

Старшій изъ моихъ братьевъ сохраняетъ портретъ Авраама Петровича съ нѣкоторыми семейными документами. Мой прадѣдъ имѣлъ двухъ братьевъ—Федора, который былъ посланникомъ въ Англію, а по возвращеніи въ Россію занималъ мѣсто главнаго директора кадетскихъ корпусовъ, и былъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго, — и Исаака, который состоялъ гофмейстеромъ при императрицѣ Елисаветѣ.

У него были двѣ сестры отъ втораго брака отца. Одна изъ нихъ была замужемъ за Дурновымъ, другая за Щепотьевымъ. Авраамъ Павловичъ родился въ Москвѣ.

Мы полагаемъ, что въ настоящее время нѣтъ потомства мужского изъ семейства Веселовыхъ, но заслуги его не забыты въ Россіи, ибо, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, русскій уполномоченный въ Швейцаріи прислалъ просить у моей бабки копію съ портрета ея отца для того, чтобы отослать въ Петербургъ, а императоръ Александръ I назначилъ ей, въ 1803 году, пенсію изъ императорскихъ суммъ въ сто голландскихъ дукатовъ; она пользовалась ею до смерти, продолжавшей въ 1813 году.

Сообщ. С. Д. Везобразовъ.

О составленіи общаго библиографическаго указателя русской повременной литературы.

Въ нашей литературѣ и въ той части нашего общества, которое серьезно занимается науками, слышатся, по временамъ, голоса о необходимости такого библиографическаго труда, который заключалъ бы въ себѣ указанія статей всей русской повременной литературы, на-

въ дѣло царевича Алексѣя не поѣхалъ на родину, а скрылся за границей. Петръ I сильно желалъ добыть бѣглеца и отправивъ въ 1720 г. Ягужинскаго, за границу, повелѣлъ не жалѣть денегъ, чтобы только привезти въ Россію Веселовскаго. Его скрылъ ландграфъ Гессенъ-Кассельскій Карлъ Леоп. Фед.